

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЛУТАРХ МОРАЛИИ

PLUTARCHI CHAERONENSIS
SCRIPTA MORALIA

*

ПЕРЕВОД ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Л. А. ФРЕЙБЕРГ и М. Л. ГАСПАРОВА

Перевод с древнегреческого и комментарии

Г. П. Чистякова

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОРИНЫ

ПЛУТАРХ МОРАЛИИ

ОБ УДАЧЕ И ДОБЛЕСТИ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКОГО¹

За те 400 лет, которые отделяют Плутарха от Александра Македонского, о последнем было написано невероятно много. Сочинения Каллисфена, Опесикрита, Неарха, Птолемея, Аристубула, Евмела, Клеарха и других спутников или во всяком случае современников Александра неоднократно излагались, сокращались, дополнялись и просто переписывались более поздними писателями. Арриан² поэтому утверждает, что «вообще нет человека, о котором писали бы больше и противоречивее», а Павсаний³, который вообще предпочитал не повторять общеизвестные истины, замечает, что не будет излагать его историю, поскольку «то, что касается Александра, известно всем». Поэтому Плутарх не мог льстить себя надеждой, что сообщит в своем небольшом по объему сочинении нечто новое. В его силах было только дать оценку тому материалу, который уже был известен читателю, выяснить, плох Александр или хорош, чему он обязан своей славой, наконец, чем именно он так хорош и почему достоин того, чтобы о нем писали. Эти вопросы и решаются в публикуемом трактате. Ко времени Плутарха в греческой литературе прочно утвердилось мнение, согласно которому Александр во всех своих успехах зависел от удачи. Если верить Цицерону или, вернее, его источнику, эта традиция восходит к Теофрасту, который считал Александра «мужем великой мощи и великой удачи, но не ведающим, как этим счастьем пользоваться»⁴. Плутарх с юношеским пылом восстает против этого мнения⁵ и в публикуемом сочинении, которое носит ярко выраженный хвалебный характер, доказывает, что славы Александр добился в упорной борьбе с противодействовавшей ему Фортуной.

Литературная форма этого сочинения — похвальное слово (*laudatio*), предназначенное для публичного чтения⁶. И это не случайно: похвальные слова в честь Александра составлял еще его современник Анаксарх из Абдер, бывший одним из его спутников (см. прим. 79 к тексту). Ему вторили поэты Агис из Аргоса и Клеонт⁷ и даже Анаксимен из Лампсака, ученик Исократ и, вероятно, серьезный писатель⁸. Писались также сочинения и позднее, о чем красноречиво говорят фразы, которые в качестве примеров приводит к своему труду Квинтилиан⁹. Цицерон считает похвальные слова

¹ О времени написания и атрибуции трактата см. вступительную статью к переводу трактата «Об удаче римлян», ВДИ, 1979, № 3, стр. 235 сл.

² А г р., Prooem.

³ P a u s., VII, 7, 7.

⁴ C i s., Tusc. disp. III, 10, 21.

⁵ См. введение к трактату «Об удаче римлян».

⁶ На это ярко указывают обращения к слушателям, неоднократно встречающиеся в этом произведении.

⁷ А г р., IV, 9, 7; C u r t., VIII, 5, 8.

⁸ Об Анаксимене см. прим. 24 к тексту. Сообщение о том, что он был учеником Исократ, содержится у Диодора (XV, 76, 4).

⁹ Q u i n t., Inst. or. III, 8, 17; VIII, 5, 24.

в честь великих людей прошлого и в том числе Александра обычным явлением, об этом же говорят Элиан и другие писатели ¹⁰.

В чем суть рассуждений Плутарха? Для Полибия Александр — это всего лишь заслуживающий уважения враг, который уничтожил Фивы, так как он видел в них «тлеющую искру эллинской «свободы», но при этом ничем не оскорбил богов и тем самым проявил свою благочестивость ¹¹. Такой же оценки придерживались почти все греческие писатели, включая тех, кто писал после Плутарха. Так, например, Павсаний, говоря о нем, ни при каких обстоятельствах не забывает, что «эллинам от Александра пришлось претерпеть много зла» ¹². Плутарх не придает никакого значения последнему обстоятельству и объявляет Александра во всех отношениях идеальным и достойным восхищения. Конечно, он рассуждает не так примитивно, как Анаксарх, но тем не менее решается, основываясь на том, что философия заключается не в словах, а в делах, серьезно доказывать, что Александр был философом в большей степени, чем Сократ, Платон, Зенон или Карнеад. Однако именно к декламациям Анаксарха восходят сравнения Александра с Дионисом и Гераклом, дважды встречающиеся у Плутарха ¹³.

Обращает на себя внимание, что почти каждое сообщение, содержащееся в этом сочинении, встречается в других произведениях Плутарха, написанных гораздо позднее. Изучение этого трактата, таким образом, еще раз дает возможность увидеть, каким образом в течение всей своей жизни Плутарх возвращался к однажды затронутым им фактам или высказанным мыслям. В биографии Александра, написанной много позднее, восторженная оценка юного Плутарха несколько смята, однако и там сохраняется оттенок похвального слова.

В трактате «Об удаче и доблести Александра» постоянно затрагивается связанная со стоиками проблематика. О том, что Александр объединил в одно целое все народы, Плутарх рассуждает, отталкиваясь от разработанного Зеноном проекта всеобщего государственного устройства; характеризуя добродетели, проявленные Александром в своих деяниях, он опирается на сформулированный стоиками принцип поведения мудреца, который в виде апофтегмы излагается в § 11 (см. прим. 91). Основой для построения всего трактата служит тезис «философия заключается не в словах, а в делах», тоже заимствованный у стоиков. Эти наблюдения показывают, что со стоицизмом Плутарх познакомился в самом начале своего творческого пути.

Трактат состоит из двух частей: в первой речь идет об Александре как о философе, во второй — о доблести Александра.

Перевод выполнен по изданию: *Plutarchi Moralia, vol. II, recensuerunt et emendaverunt W. Nachstädt, W. Sieveking, J. B. Titchener, L., 1971.*

Вступительная статья, перевод первой части и комментарии Г. П. Чистякова.

¹⁰ A e l., Var. Hist. II, 23.

¹¹ P o l y b., IX, 28; V, 10, 6—8.

¹² P a u s., I, 4, 1.

¹³ В трактате «Об удаче римлян» (Mog. 326B) и в настоящем сочинении (Mog. 332A). Ср. с цитатами из Анаксарха (P h i l., De vit. VI, 5—6; A r g., IV, 10, 6).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Согласно утверждениям Удачи ¹, Александра создала она и только она. Нам, однако, следует вступить за Философию, а вернее за самого Александра, который возмущался бы и исполнился негодования, если бы кому-то показалось, что он даром и к тому же от Удачи получил то могущество, добываясь которого ценою немалой крови и многочисленных ранений

¹ Продолжается спор между Удачей и Доблестью, начатый в трактате «Об удаче римлян». Отголоски этих рассуждений см. в других сочинениях Плутарха (Aem. Paul. 1, 12; Timol. 19, 21).

Е не раз проводил он бессонные ночи,
Кровопротитные дни не раз он оканчивал в битвах ²

с непобедимыми войсками и с бесчисленными племенами, преодолевая при помощи благоразумия, терпения, доблести и рассудительности непереходимые реки и горы, до вершин которых не долетали стрелы.

2. Я полагаю, что он сам ответил бы Удаче, коль скоро она приписывает себе его собственные достижения, примерно так: «Не отнимай у меня доблести и не пытайся лишить меня славы. Ты создала Дария ³, сделав его из раба и царского гонца владыкой персов, и Сарданапала, на которого ты возложила царскую диадему, хотя прежде он добывал пурпур из улиток ⁴. Я же как победитель поднялся от Арбел ⁵ в Сузы, а до этого Киликия открыла мне престоры Египта, а саму Киликию — Граник, который я перешел по трупам Митридата и Спитридата ⁶. Украшай себя сколько угодно и гордись царями, которые не знали ран и не были обогрены собственной кровью. Охи и Артаксерксы, которых ты посадила на престол Кира, как только они родились, — это, действительно, питомцы Удачи. Мое же тело несет на себе многочисленные знаки того, что Удача выступала против меня и моей союзницей не была. У иллирийцев я был ранен впервые — камнем в голову, в тот же день дубинкой мне повредили шею ⁷, затем при Гранике нож врага поразил меня в голову ⁸, а в битве при Иссе меч вонзился в бедро ⁹. При Газе я был стрелой ранен в лодыжку ¹⁰ и, вывав из седла в тяжелом вооружении, вывихнул себе плечо. При Маракандах я был поражен стрелой в берцовую кость ¹¹, остальные ранения были получены мною у индийцев...¹² У ассакиенов я стрелой был уязвлен в плечо ¹³, у гангридов — в бедро ¹⁴, а у маллов стрела из лука вонзилась мне в грудь и оставила в ней железо ¹⁵, там же, когда сломались приставленные к стенам лестницы ¹⁶, удар дубинки задел мою шею. Удача же оста-

² П. IX, 325.

³ О том, что Дарий III был царским гонцом, Плутарх говорит еще раз (Alex. 18), Страбон (XV, 3, 24) сообщает, что он происходит не из царского рода, а Элиан (Var. Hist. XII, 43) называет его рабом.

⁴ Нигде более это сообщение не повторяется.

⁵ Арбелы — город примерно в 100 км на юго-восток от Гавгамел. В биографии Александра (31) Плутарх сообщает, что многие историки полагают, будто битва под Гавгамелами произошла близ Арбел. Здесь имеется в виду именно эта битва.

⁶ Митридат — зять Дария (A g r., I, 15, 7; 16, 3), Спитридат — сатрап Лидии и Ионии (A g r., I, 12, 8; 15, 8; 16, 3; P l u t., Alex. 16, 50). Оба погибли в битве при Гранике.

⁷ Во время похода против трибаллов и иллирийцев (см. A g r., I, 1—6) весной 335 г. до н. э. Нигде более об этом ранении не упоминается.

⁸ См. P l u t., Alex. 16; A g r., I, 15, 8; D i o d., XVII, 20; C u r t., VIII, 1, 20.

⁹ В биографии Александра (20) Плутарх со ссылкой на Харета Митиленского сообщает, что эту рану нанес Александру сам Дарий, здесь же он цитирует письмо Александра к Антипатру, где не указывается, кем была нанесена рана, и сообщается, что ранение было легким. См. также C u r t., III, 11, 10.

¹⁰ В других источниках (P l u t., Alex., 25; A g r., II, 27, 2; C u r t., IV, 6, 7) говорится только о том, что у него было ранено плечо. Здесь обстоятельства ранения описаны подробнее.

¹¹ См. A g r., III, 30, 11; C u r t., VIII, 6, 3.

¹² Текст испорчен.

¹³ Об этом ранении сообщает и Арриан (IV, 23, 3). Название племени «ассакиены» восстанавливается предположительно. Некоторые издания предлагают чтение «У аспакиев». Ср. с текстом Арриана (IV, 23, 1), где сообщается о том, как Александр вступил на земли аспакиев гуреев и ассакиенов.

¹⁴ Других сообщений об этом ранении нет.

¹⁵ Маллы — племя, жившее на берегах р. Гидраота (совр. Рави) и считавшееся воинственным среди индийцев (P l u t., Alex. 63; A g r., VI, 4, 3).

¹⁶ Об этом подробно см. у Арриана (VI, 9—10).

вила меня одного, причем не ради каких-нибудь знаменитых противников, а для того, чтобы угодить никому не известным варварам. Если бы Птолемей не закрыл меня щитом, а Лимней не пал мертвым от тысячи стрел, закрывая меня, если бы македонцы, собрав все силы, не разрушили стен¹⁷, то этой дикой и безымянной земле пришлось бы стать могилой Александра».

С 3. А обстоятельность самого похода: бури, отсутствие воды, глубокие реки, горы, на которых даже птицы не гнездятся, дикие обычаи, непостоянство правителей и их многочисленные предательства!

Когда этот поход начинался, Эллада еще трепетала от войн Филиппа, но Фивы уже стряхивали с оружия херонейскую пыль¹⁸, а Афины, поднимаясь из развалин, простирали к ним руки. Македония, не совсем еще исцелившаяся от ран, обращала взоры на Аминту и сыновей Аеропа¹⁹, иллирийцы были готовы к войне, а скифы наблюдали за замыслами своих соседей. Персидское золото, разлившееся благодаря демагогам повсюду, волновало Пелопоннес, а сокровищницы Филиппа были опустошены, но этого мало, как повествует

Д Онесикрит²⁰, у царя был долг в двести талантов. И вот посреди такой бедности юноша, недавно вышедший из возраста отрока, несмотря на свое шаткое положение, отваживается думать о Вавилоне и Сузах и, более того, имеет намерение распространить свою власть над всеми людьми, и это, вы только подумайте²¹, с тридцатью тысячами пеших воинов и с тремя тысячами всадников, как сообщает Аристокл²². Царь Птолемей говорит о тридцати тысячах пехоты и о пяти тысячах всадников²³, а Анаксимен — о сорока трех тысячах пехоты и о пяти тысячах пятистах всадниках²⁴. Богатства же

¹⁷ В биографии Александра вместо Птолемея упомянут Певкест. У Арриана (VI, 10, 2), который описывал этот бой согласно рассказу Птолемея (см VI, 10, 1 и 11, 7—8), — Певкест и Леоннат, а не Лимней. Сам Птолемей указывал на то, что в этом бою он не принимал участия (А г г., VI, 11, 8).

¹⁸ Имеется в виду восстание в Фивах, которое началось, пока Александр был в Иллирии. Плутарх подбирает материал в высшей степени тенденциозно; ему нужно показать, в каком тяжелом положении находился Александр, поэтому он упоминает о восстании фиванцев, но не говорит о том, что оно кончилось разрушением Фив, так как последнее событие не укладывается в его схему.

¹⁹ Аминта, сын Антиоха, бежал из Македонии и поступил на службу к Дарию см. (А г г., I, 25, 3; С и г т., IV, 1, 27 и др.). Сыновья македонского царя Аеропа (умер в 392 г. до н. э.) Геромен и Аррабей были казнены в числе виновников смерти Филиппа. Их брат Александр одним из первых признал Александра царем, но вскоре через упомянутого выше Аминту вступил в сношения с Дарием (А г г., I, 25, 3), был взят под стражу и через четыре года казнен. Плутарх, безусловно, преувеличивает роль Аминты и Александра (ср. прим. 18).

²⁰ Онесикрит с Эгиины или Астипалеи (D i o g. L a e r t., VI, 75, 84). Был участником походов Александра (см. прим. 82 и 83), по поручению царя беседовал с гимнасофистами (S t r a b o, XV, 1, 63—65). Для того, чтобы прославить Александра, начал еще при жизни последнего писать историю его походов (L u c., Quom. hist. scrib. 40). Сочинение Онесикрита содержало, по мнению большинства античных авторов (P l u t., Alex. 46; А г г., VI, 2, 3; Suda, s. v. Νέαρχος), очень много недостоверного материала. Страбон (XV, 1, 28) называет его «главным кормчим небылиц».

²¹ В других рукописях вместо слов «вы только подумайте» стоит «как я полагаю».

²² Аристокл из Кассандрей (L u c., Масг. 22; A t h e n., II, 43 D; VI, 251 A) по сообщению Арриана (Прооем.) был участником походов Александра. Ему было поручено привести в порядок разоренную гробницу Кира (А г г., VI, 29, 10). К написанию своей истории, которая послужила одним из основных источников для Арриана и была широко использована Страбоном, он приступил только спустя много лет, по некоторым сведениям (L u c., Масг. 22) в возрасте 84 лет. Фрагменты его сочинения см. в книге: Arriani Anabasis et Indica, Parisiis, 1846, где опубликованы Scriptorum de rebus Alexandri Magni fragmenta, collegit C. Müller. Далее цитируются как Scriptorum.

²³ Scriptorum, fr. 4.

²⁴ Анаксимен из Лампсака, автор сочинения Τὰ περὶ Ἀλεξάνδρου (см. Н а г р о с г., s. v. Ἀκινάκης и др.). Фрагментов от его сочинений сохранилось очень мало, главным

Александра, прославленные и старательно припасенные Удачей, составляли, как говорит Аристокбул, семьдесят талантов²⁵, а согласно Дуриду²⁶, их хватило на съестные припасы всего лишь на тридцать дней.

4. Но был ли Александр безрассуден и опрометчив, раз он решил с незначительными силами устремиться на столь большое войско? Конечно, нет! Ибо кто другой опирался на более значительные и прекрасные средства: на великодушие, здравый смысл, умеренность и мужество²⁷, которыми его снарядила Философия? Ведь он отправился в поход против персов, получив от своего учителя Аристотеля больше, чем от своего отца Филиппа. Поэтому мы, почитая Гомера, охотно верим тем писателям²⁸, которые сообщают, что Александр однажды назвал «Илиаду» и «Одиссею» снаряжением, которое следует за ним во всех походах. Но если кто-либо скажет, что «Илиада» и «Одиссея» служили ему только тем, что отвлекали от напряжения и были приятным развлечением в свободное время, тогда как в действительности он опирался на сочинения по философии и рассуждения о неустрашимости и мужестве, а также на заметки об умеренности и великодушии, мы с презрением отвергаем это мнение, поскольку он, как известно, ничего не писал ни о силлогизмах, ни об аксиомах, не гулял по дорожкам Ликее и не рассуждал о философских вопросах в Академии. А тем, кто полагает, что философия заключается в словах, а не в делах, мы напомним, что ни Пифагор ничего не написал, ни Сократ, ни Аркесилай²⁹, ни Карнеад³⁰, а ведь, будучи из философов крупнейшими, они к тому же не были заняты столь великими войнами, не покоряли заморских царей, не основывали греческих городов в землях диких народов и не обходили землю для установления законов и мира среди необразованных и незнакомых с законами племен. Они имели свободное время, но труд писать представляли софистам³¹. Но откуда же мы узнали, что они были философами? — Из того, что они говорили, из того, как они жили, из того, чему они учили. А из всего этого Александр, если рассмотреть то, что он говорил, что он делал и чему учил, тоже будет признан философом.

5. Прежде всего, пускай это, если хотите, кажется более чем странным, сравним учеников Александра с теми, кто учился у Платона и Сократа. Последние обучали людей способных и говоривших на одном наречии, во всяком случае понимавших греческий язык,

образом у Гарпократиона. Валерий Максим (VII, 3, 4) и Суда (s.v. Ἀναξιμένης) называют его учителем Александра. Подробнее всего о нем рассказывает Павсаний (VI, 18, 2—6).

²⁵ Scriptores, fr. 1 с.

²⁶ FHG, II, 472. Дурид Самосский — историк II в. до н. э. Сведения о численности войск, средствах и о долгах Плутарх почти дословно, однако с меньшим числом ссылок, повторяет в биографии Александра (15).

²⁷ Плутарх постоянно подчеркивает, что Александр в своих поступках руководствовался всеми известными добродетелями. Ср. рассуждения о добродетелях у Платона (Leg. 631 С; Менo, 74 А и др.) и Аристотеля (Rhet. I, 9, 1366 b).

²⁸ В другом месте Плутарх (Alex. 8) со ссылкой на Онесикрита рассказывает, что Александр возил за собою список «Илиады», исправленный Аристотелем (так называемая «Илиада» ἡ ἐκ τοῦ ἀριστοτέλους). См. также Strabo, XIII, 1, 27.

²⁹ Аркесилай из Питаны (316—241 гг. до н. э.) — основатель Средней Академии. См. у Диогена Лаэртского (IV, 28—45).

³⁰ Карнеад из Кирены (213—129 гг. до н. э.) — основатель Третьей Академии. Диоген Лаэртский сообщает (IV, 65), что он не написал ничего, кроме писем к каппадокийскому царю Ариарфу.

³¹ Т. е. представителям менее глубокой мудрости.

С и при этом многих они ни в чем не убедили, поскольку Критий³², Алкивиад и Клитофонт³³, отвергнув учение, как узду³⁴, уклонились совсем в другую сторону. Если же ты поглядишь на учеников Александра, то увидишь, что гирканцев он приучил заключать браки³⁵, жителей Арахосии³⁶ научил возделывать землю, согдианцев убедил кормить своих престарелых родителей и не убивать их³⁷, а персов — почитать своих матерей и не вступать с ними в брак³⁸. До чего же замечательна философия! Ведь благодаря ей индийцы почитают теперь греческих богов, а скифы хоронят умерших, а не пожирают их, как прежде³⁹. Мы поражаемся силе Карнеада по той причине, что он Клитомаха⁴⁰, который был по происхождению карфагенянином и ранее носил имя Аздрубала, сделал настоящим греком. Мы удивляемся способностям Зенона, который Диогена Вавилонского⁴¹ сделал философом. Но ведь Александр усмирил Азию, там стали читать Гомера, а дети персов и жителей Сузианы и Гедросии⁴² стали выступать в трагедиях Еврипида и Софокла. Сократ был осужден афинскими сикофантами за то, что он вводил новых богов, тогда как благодаря Александру греческим богам стали поклоняться Бактрия и Кавказ. Платон описал только одно государственное устройство, но никого не убедил воспользоваться им из-за его суровости. Между тем Александр основал более чем семьдесят городов⁴³ в землях у диких народов, распространил на Азию установления эллинов и отучил дикарей от их дикой жизни. Нас, знакомых с законами Платона, — единицы, а законами Александра пользовались и пользуются тысячи и тысячи людей. Те, которые были побеждены Александром, теперь гораздо счастливее тех, кто избежал этой участи, ибо никто не положил конец тяжелой жизни последних, тогда как первых Александр, победив их, сделал счастливыми. Фемистокл, когда он после своего бегства получил от царя⁴⁴ большие дары и в том числе три города, обязанных платить дань, первый — хлебом, второй — вином, а третий — мясом, сказал: «Мы бы погибли, о дети, если бы мы не погибли»⁴⁵. К тем, кто был подчинен Александром, применить

³² Критий — один из Тридцати тиранов, был учеником Сократа.

³³ Клитофонт, сын Аристонима, — о нем вообще известно очень мало. В 411 г. до н. э. он вместе с Фераменом принимал участие в олигархическом перевороте (Arist., Resp. Ath. 29, 34. См. также Aristoph., Ran. 967). Возможно, был учеником Сократа (Plat., Resp. 340 A).

³⁴ Сравнение с непокорными конями.

³⁵ Гиркания — область на юго-восточном побережье Каспийского моря (Arist., III, 23, 1). Страбон (XI, 8, 6) сообщает о промискуитете у массагетов. Возможно, нечто подобное рассказывали о гирканцах.

³⁶ Арахосия — область вокруг современного города Кандагара.

³⁷ Страбон (XI, 11, 3) со ссылкой на Онесикрита сообщает, что жители Согдианы и Бактрии имели обычай убивать стариков и больных людей. Александр этот обычай уничтожил.

³⁸ Страбон (XV, 3, 20) и Диоген Лаэртский (Proem. 7) сообщают о том, что у персов мамам разрешалось вступать в связь с собственными матерями.

³⁹ У Геродота неоднократно сообщается о каннибализме у массагетов (I, 216), падеев (III, 99) и исседонов (IV, 26).

⁴⁰ О Клитомахе Карфагенском (187—110 гг. до н. э.), который возглавлял Академию после Карнеада, см. у Диогена Лаэртского (IV, 67).

⁴¹ Диоген из Селевкии — представитель стоической школы (Diog. Laert., VI, 81), особенно часто на него ссылается Цицерон.

⁴² Гедросия (или Гадросия) — территория совр. Белуджистана; о ее расположении см. у Страбона (XV, 2, 3—14).

⁴³ Это сообщение нигде более у античных авторов не дублируется.

⁴⁴ Вероятно, от Артаксеркса (Thuc., I, 137, 3—4).

⁴⁵ Этот анекдот Плутарх повторяет в биографии Фемистокла (29) и в трактате «Об изгнании» (Mog. 602 A). Полибий (XXXIX, 11, 12) цитирует как пословицу близкое по смыслу изречение: «Мы не были бы спасены, если бы мы не были сокрушены».

329 это изречение будет даже разумнее: ведь они бы никогда не расцвели до такой степени, если бы не были им покорены. У Египта не было бы Александрии, у Месопотамии — Селевкии, у Согдианы — Проф-
 тасии⁴⁶, у Индии — Букефалии⁴⁷, а у Кавказа — греческого го-
 рода⁴⁸, благодаря основанию которых исчезла дикость и худшие
 установления постепенно были заменены лучшими. Поэтому если
 философы считают важнейшим среди своих занятий то, что они смяг-
 чают и улучшают жестокие и грубые нравы, то Александр, пере-
 делавший дикую природу не у одной тысячи племен, достоин того,
 чтобы по заслугам называться величайшим философом.

В 6. Как известно, много восхваляют государственное устройство
 Зенона, положившего начало учению стоиков, суть которого состоит
 в том, чтобы мы жили не по городам и по демам, различаясь по своим
 обычаям, а приняли в число соотечественников и сограждан всех
 людей и вели жизнь по общим правилам и законам подобно пасуще-
 муся вместе стаду, которое живет вместе и подчиняется общим ус-
 тановлениям⁴⁹. Но Зенон изобразил его как сновидение и образец
 того, как философ понимает благозаконие и представляет себе госу-
 дарственное устройство, а Александр эти положения претворил в
 жизнь на деле. Аристотель ему советовал, чтобы эллинами он управ-
 лял как наставник, а варварами — как деспот, о первых заботился
 как о друзьях и родственниках, а со вторыми вел себя как со зверя-
 ми, а не как с людьми⁵⁰. Однако он, избегая разжигающих вражду
 восстаний, которые бы изнутри подтачивали его могущество, посту-
 пил иначе; рассуждая как всеобщий покровитель, посланный бо-
 гами, он выступил как заступник всех и каждого и, принуждая
 С оружием тех, кого не привлек словами, соединил в одно целое лю-
 дей со всех концов света, смешав словно вино в заздравном кратере⁵¹
 жизненные пути, характеры, брачные установления и обычаи. Он
 потребовал, чтобы родиной все считали вселенную, а его лагерь —
 акрополем или крепостью, добрых людей — соплеменниками, а
 злых — чужестранцами, чтобы эллины и варвары не различались
 между собою ни по плащам, ни по щитам, ни по кандиям⁵², ни по
 акинакам⁵³, но чтобы всякого доблестного мужа считали эл-
 лином, а порочного — варваром⁵⁴, и приказал, чтобы все носили
 одинаковую одежду, питались одной пищей, имели общие брачные

⁴⁶ Профтасия — город в Дрангиане (современный Систан). Подробно о локализации см. W. W. T a r n, *The Greeks in Bactria and India*, Second ed. Cambridge, 1951, стр. 14.

⁴⁷ Букефалия или Букефалы (A r t., V, 19, 4; 29, 5) — город на восточном берегу Гидаспа (совр. Джелум), основан после победы над Цором и назван в честь знаменитого Букефала, павшего в то время от старости. См. также S t r a b o, XV, 1, 29. О локализации см. T a r n, ук. соч., стр. 245 сл.

⁴⁸ Имеется в виду, безусловно, Александрия Кавказская (A r t., III, 28, 4; C i c t., VII, 3, 23), основанная по сообщению Диодора (XVII, 83), близ Парамиса (Гиндукуш), локализуется обычно в районе совр. Кабула (городище Беграм).

⁴⁹ S V F, fr. 262.

⁵⁰ A r i s t., fr. 658. На достоверность этого широко используемого в литературе фрагмента указывает то место в «Политике» (1285 а), где Аристотель говорит о том, что варвары более склонны к перенесению рабства, чем эллины, и замечание Эратосфена, который, не называя имен, осуждает тех, кто советовал Александру считать греков друзьями, а варваров — врагами (см. S t r a b o, I, 4, 9).

⁵¹ Этот образ заимствован у Платона. См. Leg. VI, 16, 773 D, где говорится о том, что государство должно быть смешано как будто вино в кратере.

⁵² Кандий — широкий плащ с длинными полами, которые нужно было подтыкать за пояс или подвязывать специальными тесемками.

⁵³ Акинак — короткий меч.

⁵⁴ Именно в этом заключается суть космополитизма стоиков.

Д установления и обычаи, смешанные благодаря совместным бракам и рожденным от них детям.

7. Демарат из Коринфа, бывший одним из соратников и друзей Филиппа ⁵⁵, увидев Александра в Сузах, зарыдал от радости и сказал: «Величайшей радости не испытали эллины, которые не дожили до сегодняшнего дня, ибо они не видели Александра сидящим на троне Дария». Однако я, клянусь Зевсом, не завидую тем, кто видел это зрелище, ибо такая удача доставалась и менее знаменитым царям, но мне было бы приятно быть свидетелем другого — той прекрасной и священной брачной церемонии, когда он принял под одним шатром, покрытым золотом, и собрал у общего семейного очага сто пест из Персии и сто женихов из Македонии и Эллады, а сам, украшенный венком, первым запел свадебную песнь, звучавшую словно гимн величайшим и могущественнейшим народам, идущим на брак друг с другом, и как супруг для одной, а для остальных — сват, отец и покровитель, соединил их браком ⁵⁶. Вот тут-то я бы с удовольствием сказал: «Ксеркс, ты был варваром и глупцом, когда тщетно пытался построить мост через Геллеспонт ⁵⁷. Мудрые цари объединяют Азию с Европой не так, не бревнами, не плотами и не бездушными канатами, а законной любовью, благоразумными браками и союзом между детьми, который приносит общее потомство».

Е

330

8. Александр позаботился и о нарядах и предпочел носить не мидийскую одежду, а персидскую, которая была удобнее ⁵⁸. При этом из наряда варваров он устранил все необычное и театральное, а именно тиару, кандий и анаксириды ⁵⁹ и, как сообщает Эратосфен ⁶⁰, носил одеяние среднее между персидским и македонским. Как философу, ему было все равно, что носить, но как всеобщему правителю и любящему своих людей царю уважением к одеяниям побежденных ему удалось приобрести их расположение и сделать так, чтобы они по-настоящему полюбили македонян как наставников, вместо того чтобы возненавидеть их как врагов. Наоборот, глупо и бессмысленно было бы любить одноцветный плащ и презирать хитон с пурпурной каймой или, наоборот, отвергать первый и приходиться в упоение от второго и подобно малому ребенку, который надевает то, что велит кормилица, сохранять одежду только потому, что ее носили предки. Люди, которые идут охотиться на диких животных, надевают на себя шкуры оленей, в хитониски из птичьих перьев одеваются те, кто ловит птиц, одетые в красные хитоны опасаются попадаться на глаза быкам, а в белые — слонам ⁶¹, потому

В

⁵⁵ Этот эпизод, вероятно, очень нравился Плутарху. В биографии Александра он его повторяет дважды (37 и 56). О Демарате практически больше ничего не известно.

⁵⁶ Плутарх повторяет рассказ об этой свадьбе в биографии Александра (70). Подробнее всего о ней рассказывает Арриан (VIII, 4, 4—8), который излагает Аристулу. Сам Александр в этот раз женился на дочери Дария, которую Арриан называет Барсидой, а Плутарх и Диодор (XVII, 107) — Статирой (на Роксане он уже был к тому времени женат); вместе с ним женилось, по словам Арриана, 80 его приближенных, а кроме того более десяти тысяч простых македонцев, которые получили от Александра свадебные подарки. Однако, по сообщению Элиана (Var. Hist. VIII, 7), женихов было всего 49. Во всяком случае число, которое приводит здесь Плутарх, в высшей мере условно.

⁵⁷ См. Herod., VII, 25, 33—36.

⁵⁸ Это предложение почти полностью повторяется в биографии Александра (45).

⁵⁹ Анаксириды — узкие штаны из кожи или шерстяной ткани, составлявшие обязательную часть одежды у персов.

⁶⁰ Эратосфен (ср. прим. 50) вообще оправдывал и защищал варварофильские наклонности Александра, которые большинству греков были не по душе.

⁶¹ Это наблюдение, которое Плутарх повторяет в «Брачных наставлениях» (Mor. 144 D), нигде более у античных авторов не встречается.

что названные животные от этих цветов раздражаются и приходят в ярость. А вот великого царя, который, приручив как животных и склонив к себе неукротимые и враждующие народы, смягчил их и успокоил, усвоив привычную для них одежду и свойственные им обычаи, унял их уныние и умерил досаду, почему-то упрекают за то, что таким изменением внешнего вида он привлек на свою сторону Азию, ибо оружием он покорил только их тела, а души завоевал, переняв их одежду, тогда как следует восхищаться его мудростью! Аристиппа⁶², известного последователя Сократа, восхваляют за одно то, что он, появляясь как в бедном рубище, так и в милетском плаще, и в том и в другом одеянии сохранял свое достоинство. А Александра почему-то осуждают за то, что он придал красоту одежде своих предков и при этом, начиная закладывать основания великой державы, не выказал презрения к побежденным⁶³. Не как разбойник он обрушился на Азию и смотрел он на нее не как на добычу или на плод нечаянного благоволения удачи, предназначенный для грабежа и расхищения, и вел себя не так, как впоследствии Ганнибал в Италии⁶⁴, а в прежние времена треры в Ионии⁶⁵, а скифы в Мидии⁶⁶. Но хотел он, чтобы на земле все было подчинено одному закону и собрано в одно государство, предполагал соединить всех людей в один народ, поэтому если бы божество, пославшее сюда душу Александра, не позвало его так быстро назад, один закон просвещал бы всех людей, которые бы стремились к единой справедливости, как к единому для всех солнечному свету. Однако ныне та часть земли, которую Александр не видел, так и остается непросвещенной сиянием этого солнца.

Е 9. А разве сама причина его походов не доказывает лучше всего, что этот муж был философом, ибо он думал не о собственном богатстве и не о роскоши, а о том, чтобы утвердить мир, единодушие и дружеские отношения среди всех людей. Однако кроме этого рассмотрим-ка мы высказывания Александра, поскольку и у других царей и правителей нравы и душевные качества лучше всего обнаруживаются по их изречениям⁶⁷. Антигон Старший некоему софисту, когда тот читал перед ним сочинение о справедливости, заметил: «Ты глуп, потому что, видя, как я разоряю мне не принадлежащие города, рассуждаешь со мною о справедливости»⁶⁸. Тирани Дионисий советовал детей обма-

⁶² Аристипп из Кирены (приблизительно 455—350 гг. до н. э.) — основатель школы киренаиков. Параллельные места см. у Диогена Лаэртского (II, 67, 78) и Секста Эмпирика (Puth. hyp. III, 204). В близких выражениях о нем говорит Гораций (Epist. I, 17, 23—24):

Шло к Аристиппу любое житье, положенье и дело:
Лучшего всюду ища, он доволен был тем, что имеет

(пер. Н. Гинцбурга)

⁶³ У Квинта Курция Руфа (VI, 6, 5) этому дается диаметрально противоположная оценка: по его мнению, вслед за персидской одеждой Александр перенял и персидские обычаи, «а за великолепием одежды следовало высокомерие духа». Примерно так же думает Помпей Трог (см. Just., XII, 3, 8—11).

⁶⁴ Plut., Fab. Max. 2, 17; Cat. 1.¹

⁶⁵ Треры — фракийское племя, жившее, согласно Фукидиду (II, 96, 4), к северу от горы Скомбра (совр. Витоша). Страбон считал их одним из киммерийских племен (I, 3, 24) и сообщал, что они часто вторгались в Малую Азию. Именно они истребили магнетов (Strabo, XIV, 1, 40).

⁶⁶ Herod., I, 103—104, 106.

⁶⁷ Любимая мысль Плутарха. Ср. Alex. 1; Mor. 457 D и др.

⁶⁸ Этот анекдот нигде более не встречается.

нывать игрушками, а взрослых мужей — обещаниями⁶⁹, а на надгробном памятнике у Сарданапала было написано:

Тем я владею, что съел, и тем, что вкусил⁷⁰.

331 Кто станет отрицать, что в этих изречениях видна любовь к наслаждениям, нечестие, несправедливость и жадность? Если же ты из высказываний Александра выбросишь то, что касается диадемы, Аммона и его происхождения⁷¹, то остальные покажутся тебе изречениями Сократа, Платона или Пифагора. Мы не будем рассматривать то, что начертали ради восхваления поэты под его изображениями и статуями:

Кажется, что говорит эта статуя, глядя на Зевса:

Зевс, на Олимпе цари, землю же мне предоставь⁷²,

ведь их волновало не благоразумие Александра, а его сила. То же самое можно сказать о словах Александра: «Ведь я сын Зевса». Все это, как я уже говорил, сочинили поэты, льстившие его удаче, мы же обратимся к подлинным изречениям Александра, начав с того, что было сказано еще в юности. Когда друзья убеждали Александра выступить в Олимпии, так как он был самым быстроногим из своих сверстников, он спросил у них, будут ли его соперниками цари, и, получив отрицательный ответ, сказал, что такой спор будет несправедливым, поскольку в нем или царь победит простых людей или он сам будет побежден простыми людьми⁷³. Когда его отец Филипп, раненый во время войны с трибаллами⁷⁴ копьем в бедро и избежавший большой опасности, сокрушался по поводу своей хромоты, он ему сказал: «Не огорчайся, отец, и смело ходи на виду у каждого, поскольку теперь каждый шаг напоминает о твоём мужестве»⁷⁵. Разве не виден здесь образ мыслей философа, который

⁶⁹ В «Пиршественных беседах» (Mor. 741 C) и в биографии Лисандра (8) это же высказывание, которое по словам Плутарха любил повторять Лисандр, приписывается Поликрату Самосскому (см. также Mor. 229 B).

⁷⁰ Эту же эпитафию Плутарх вспоминает в трактате «О том, как, не возбуждая неприязни, хвалить самого себя» (Mor. 546 A). Полный ее текст см. у Диодора (II, 23):

Зная, что смерть впереди, утешай свою душу, пируя,
Ибо, когда ты умрешь, ничто уже не пригодится,
Ведь даже я теперь прах,— тот, кто правил в Нине великом.
Тем я владею, что съел, и тем, что вкусил и изведал
В радостях плотской любви. Остальное осталось мне чуждым
(пер. Г. П. Чистякова)

Арриан (II, 5, 4) приводит более краткий вариант этой надписи: «Сарданапал, сын Анакиндаракса, в один день построил Анхиал и Тарс. Ты же, путник, ешь, пей и забавляйся. Все остальное в жизни не стоит и этого» (пер. М. Е. Сергеевко).

⁷¹ О том, что Александр возложил на себя диадему персидских царей, с возмущением рассказывает Помпей Трог (J u s t., XII, 3, 8). Рассказы о путешествии Александра к оракулу Аммона, который якобы признал его сыном Зевса, и высказывания Александра по этому поводу широко известны (см. P l u t., Alex. 17; J u s t., XII, 11, 1—12).

⁷² См. Anth. Pal. XVI, 120.

⁷³ Ср. P l u t., Alex. 4 и Apophthegm. reg. et imp. (Mor. 179 D).

⁷⁴ Трибаллы — фракийское племя.

⁷⁵ В «Апофтегмах спартанцев» дважды встречается рассказ о спартанке, обратившейся с подобным советом к своему сыну (Mor. 241 E — F). Цицерон рассказывает этот анекдот о Спурии Карвиллии и его матери (De or. II, 61, 249), но применительно к Александру и Филиппу он нигде более не встречается.

благодаря вызванному подвигами воодушевлению на телесные недостатки не обращает внимания? А как он радовался своим собственным ранам, поскольку каждая напоминала ему победы над различными племенами, захваченные города и взятых в плен царей! Вот почему он не скрывал и не утаивал свои шрамы, а носил их как начертанные на собственном теле знаки доблести и мужества.

10. Если ему во время бесед или пирушек приходилось сопоставлять стихи Гомера между собою, в то время как другие отмечали какие-то другие стихи, сам он всегда как на особенно замечательный указывал на этот:

Добр и достоин, как царь, а также бесстрашен, как воин ⁷⁶.

- D Этот стих иногда вспоминали, чтобы похвалить Александра, а сам он считал его для себя законом, поэтому можно сказать, что Гомер в одной и той же строке и похвалил мужество Агамемнона, и предсказал доблесть Александра. Когда же он, переправившись через Геллеспонт, осматривал Трою, представляя себе связанные с великими мужами события, кто-то из местных жителей пообещал отдать ему, если он хочет, лиру Париса, на что Александр ответил: «Она мне ни на что не нужна, а ищущу я лиру Ахилла, отдыха под звуки которой, он „воспевал деянья героев“ ⁷⁷, тогда как под лиру Париса, издававшую какие-то нежные и свойственные женщинам звуки, исполнялись любовные песнопения» ⁷⁸.
- E) Душе философа, безусловно, пристало любить мудрость и превыше всего ценить мудрых мужей, и Александру это было присуще, как никому из царей. О том, как он относился к Аристотелю, было сказано выше, музыканта Анаксарха ⁷⁹ он считал самым достойным из своих друзей, Пиррону из Элиды, встретившись с ним впервые, он пожаловал десять тысяч золотых монет ⁸⁰, а Ксенократу, бывшему близким другом Платона, послал пятьдесят талантов в подарок ⁸¹. Онесикрита ⁸², ученика Дио-

⁷⁶ П. III, 179. Пространное рассуждение об этом стихе содержится у Ксенофонта (Мемог. III, 2, 2), где Сократ на его основании утверждает, что хороший вождь тот, который делает счастливыми тех, кого ведет. Возможно, Плутарх был знаком с этим рассуждением, так как с ним перекликается его мысль о том, что Александр тех, кого покорил, сделал счастливыми (см. § 5 — 328 E).

⁷⁷ П. IX, 189.

⁷⁸ Этот анекдот повторен Плутархом в биографии Александра (15). См. также у Элиана (Var. Hist. IX, 38), чье повествование ближе к данному варианту рассказа, чем к тому, на котором Плутарх остановился позднее.

⁷⁹ Анаксарх из Абдер (D i o g. L a e r t., IX, 58—60). Сопутствовал Александру в его походах, побывал в Индии и, по сообщению Диогена Лаэртского (IX, 61), беседовал с гимнасофистами. Плутарх (Alex. 52), Арриан (IV, 9, 7—8; 10, 5), Афиней со ссылкой на перипатетика Сагира (A t h e n., VI, 250 E) и Филодем (De vit. VI, 5—6) утверждают, что он был одним из главных льстецов при Александре и теоретиком его обожествления. Но есть и другая традиция (см. D i o g. L a e r t., IX, 60; A e l., Var. Hist. IX, 37), согласно которой он высмеивал Александра за то, что тот стремился к своему обожествлению.

⁸⁰ Секст Эмпирик (Adv. Math. I, 282) сообщает, что скептик Пиррон написал посвященное Александру поэтическое произведение и за это получил 10 000 золотых. Нигде более о каких бы то ни было сочинениях Пиррона не упоминается, Диоген Лаэртский же прямо говорит (IX, 102), что он ничего не написал.

⁸¹ Ксенократ из Халкедона — ученик Платона, был главой Академии после Спевсиппа. О нем см. у Диогена Лаэртского (VI, 6—15).

⁸² Об Онесикрите см. прим. 20. О том, что он был учеником Диогена, сообщает Диоген Лаэртский (VI, 75, 84) и Плутарх в биографии Александра (65). Фрагментов философского содержания от него не дошло, однако многочисленные цитаты (главным образом у Страбона) показывают, что он во время похода в Индию проявлял интерес к природным условиям, происхождению животных и другим естественно-научным вопросам.

гена-собаки, он назначил начальником над мореплавателями, как об этом сообщают многие историки⁸³, а будучи в Коринфе, беседовал с самим Диогеном⁸⁴ и был настолько поражен и обескуражен образом жизни и воззрениями этого мужа, что впоследствии часто вспоминая о нем, говорил: «Если бы я не был Александром, я был бы Диогеном», то есть «Я бы занимался философскими рассуждениями, если бы не мог выражать свою философию через дела». Он не сказал: «Если бы я не был царем, я был бы Диогеном» или «Если бы я не был богатым человеком и Аргеадом⁸⁵» (ибо он не предпочитал удачу мудрости, а багряницу и диадему — суме и рваному плащу), но сказал: «Если бы я не был Александром, я был бы Диогеном», то есть «Если бы я не намеревался варваром смешать с эллинами и обойти всю землю, очищая ее от диких нравов, добраться до пределов земли и моря, придвинуть границы Македонии к Океану, превратить в Элладу весь мир и распространить на всякий народ благозаконие и мир, то, конечно, я не предавался бы изысканным наслаждениям, пребывая в бездействии, а искал бы скромной участи Диогена. Но теперь, прости меня, Диоген, ибо я подражаю Гераклу, соревнуюсь с Персеем и иду по следам Диониса⁸⁶ — бога, который основал наш род и был моим предком; я хочу, чтобы эллины снова стали устраивать как победители хоровые пляски в Индии⁸⁷, а горцы и дикари, живущие по ту сторону Кавказа, вспомнили вакхические шествия. Говорят, что там есть какие-то приверженцы суровой мудрости наготы, святые мужи, живущие по собственным законам, они размышляют о боге, живут еще проще, чем Диоген, и даже в такой суме, как его, не испытывают нужды: они не откладывают про запас пищу, поскольку земля всегда приносит им ее неиспортившейся и свежей, реки утоляют их жажду, а падающая с деревьев листва превращает траву в удобное ложе⁸⁸. Благодаря мне они узнают о Диогене, а Диоген — о них. И мне тоже следует „перелить монету“⁸⁹ и то, что было учреждено по обычаям варваров, переплавить по образцу государственного устройства эллинов».

11. Все это хорошо, но что нам показывают его дела: случайные успехи, жестокость на войне и неразумное применение силы или большое мужество и справедливость, большую сдержанность и благообразие⁹⁰ человека, который во всем поступал благопристойно и разумно, руководствуясь трезвым и рассудительным расчетом? Клянись богами, я не могу определить, что тут он проявил мужество, здесь — человеколюбие, а там — самообладание, потому что ока-

⁸³ Как сообщает Арриан (VI, 2, 3), он был всего лишь кормчим царского корабля, хотя в своих сочинениях утверждал, будто был лавархом. Плиний Старший (Hist. Nat. VI, 24), цитируя Онесикрита, называет его *classis praefectus*, а Плутарх в биографии Александра (66) — ἀρχιλοβερνύτης. Из сообщения Арриана можно заключить, что источником у этих авторов был сам Онесикрит.

⁸⁴ Плутарх повторяет этот эффектный анекдот трижды: в биографии Александра (14), в трактате «Об изгнании» (Mor. 605 D) и в сочинении «К необразованному правителю» (Mor. 782 A).

⁸⁵ Македонские цари назывались Аргеадами (P a u s., VII, 8, 9), так как вели свой род из Орстова Аргоса (S t r a b o, VII, 7, 8; A p p., Сут. 63 и др.).

⁸⁶ Эти сравнения заимствованы у Анаксарха из Абдер. См. прим. 79.

⁸⁷ Как это имело место во времена Диониса.

⁸⁸ Речь идет о так называемых гимнософистах. См. P l u t., Alex. 64—65. Подробнее всего о них рассказывает Страбон (XV, 1, 58—68).

⁸⁹ Имеется в виду рассказ о том, что Диоген, получив от дельфийского оракула пророчание, в котором ему предписывалось *εὐμύσει παρακοίφα*, т. е. «передумать обычаи», понял слово *εὐμύσει* как «монета» и стал подделывать деньги (D i o g. L a e r t., VI, 20).

⁹⁰ См. прим. 27.

зывается, что всякое его дело состояло из всех добродетелей сразу. Своим примером он подтверждал то утверждение стоиков, согласно которому все, что мудрец ни делает, он совершает, сообразуясь сразу со всеми добродетелями, и хотя кажется, что в каждом поступке играет главную роль одна добродетель, однако она привлекает все остальные и приводит дело к концу вместе с ними⁹¹. В военных предприятиях Александра можно увидеть человеколюбие, в кротости — мужество, в щедрости — рачительность, в пылкости — миролюбие, в любви — умеренность, в беспечности — отсутствие праздности, а в трудолюбии — упрямства. Кто еще соединял с военными действиями — праздники, а с торжественными шествиями — походы, осаждая города, устраивал празднества в честь Вакха⁹², свадьбы и пышные бракосочетания, кто был суровее по отношению к поступавшим несправедливо и мягче — к потерпевшим неудачу, кто, наконец, был страшнее для врагов и снисходительнее к нуждающимся? Вот тут мне кажется к месту привести слова Пора. Когда его, взятого в плен, привели к Александру и тот спросил у него, как с ним поступить, Пор ответил: «Как с царем, Александр». Спрошенный еще раз, не хочет ли он чего-либо еще, он сказал: «Ничего, ибо все заключено в словах: как с царем»⁹³. Мне представляется, что во всех поступках Александра ясно видно, что он поступал как философ. Именно в этих словах заключено все, что касается Александра⁹⁴. Влюбившись в дочь Оксиарта⁹⁵ Роксану, которая среди пленниц принимала участие в хоровой пляске, он не подверг ее насилию, а поступив, как философ, взял в жены⁹⁶. Увидев, что Дарий насмерть поражен копьем, он не бросился приносить жертвы и не воспел хвалебную песнь в честь того, что длительной войне был положен конец, а поступил, как философ, снял с себя плащ и накинул его на умершего, как будто хотел скрыть тот позор, который претерпела Удача этого царя⁹⁷. Однажды, когда ему подали не подлежащее огласке письмо от матери, а оказавшийся рядом Гефестион⁹⁸ просто-душно заглянул в него, Александр, доверяя своему другу, не стал

⁹¹ В трактате «О противоречиях стоиков» Плутарх приводит эту же сентенцию со ссылкой на Хрисиппа (Mor. 1046 F).

⁹² См. P l u t., Alex. 67.

⁹³ Этот рассказ Плутарх повторяет в биографии Александра (60) и в трактате «О том, что гнев следует сдерживать» (Mor. 458 B). См. также A p o p h t h e g m. r e g. e t i m p. (Mor. 181 E). Об этом же рассказывает Арриан (V, 19, 2).

⁹⁴ Александр поступил с Пором, действительно, «как с царем», так как сделал его сатрапом той области, где он до этого царствовал, и даже присоединил к ней новые земли (см. прим. 93), однако здесь Плутарха занимает не суть рассказа, а всего лишь выражение *ὡς ἄντι βασιλέως* («как с царем»), по аналогии с которым он создает паречие *φιλοσόφος* («как подобает философу»), характеризующее, по его мнению, все поступки Александра.

⁹⁵ Оксиарт был сатрапом где-то в Бактрии (A r r., IV, 18, 4), Александр прибавил к его сатрапии район Парапамиса, т. е. Гиндукуша.

⁹⁶ См. A r r., IV, 19, 5; C u r t., VIII, 4, 23—29; P l u t., Alex. 47. В отличие от Плутарха Квинт Курций Руф осуждает Александра за этот брак, который был, по его мнению, оскорбителен для македонцев, так как был заключен во время попойки и к тому же с девушкой, приведенной для увеселения на пиру.

⁹⁷ P l u t., Alex. 43.

⁹⁸ Гефестион, сын Аминты — один из ближайших друзей и спутников Александра. Скончался в Экбатанах в 324 г. до н. э. Александр, любивший сравнивать себя с Ахиллом, считал его своим Патроклом, отчего после его смерти казнил врача Главка, который лечил умершего (A r r., VII, 14, 4; P l u t., Alex. 74), велел сжечь храм Асклепия (E p i c t e t., II, 22, 17; A r r., VII, 14, 5), а затем, подражая Ахиллу, устроил погребальные игры (A r r., VII, 14, 10; A e l., Var. Hist. VII, 8), причислил Гефестиона к богам и приказал приносить ему жертвы как герою (A r r., VII, 14, 7, L u c., Ca-lumn. 17; P l u t., Alex. 72 и др.).

333 ему препятствовать, а как философ приложил свой перстень к его устам как будто для того, чтобы запечатать их ⁹⁹. Итак, если эти поступки нельзя назвать поступками философа, то каковы же должны быть последние?

12. А теперь сравним его поведение с тем, как вели себя признанные философы. Сократ не стеснялся разделять ложе с Алкивиадом. Александр же, когда Филоксен, бывший наместником прибрежных областей, написал ему, что в Ионии имеется мальчик, которому нет равных ни по свежести, ни по красоте, и спросил, не прислать ли его, резко ответил: «Ты верно совсем не знаешь меня, сквернейший человек, раз пытаешься угодить мне такого рода приманкой» ¹⁰⁰. Мы поражаемся тому, что Ксенократ ¹⁰¹, которому Александр послал в подарок пятьдесят талантов, не принял этих денег, а тому, что Александр послал их, почему-то не поражаемся. Ксенократ не нуждался в богатстве благодаря философии, а Александр нуждался в нем ради той же самой философии для того, чтобы оказывать благодеяния таким, как Ксенократ, людям... сколько раз ¹⁰² говорил это Александр, попадая в тяжелое положение или подвергаясь опасности? По той причине, что природа сама по себе обладает свойством вести к прекрасному, мы полагаем, что всем людям свойственно иметь здравые суждения, однако философы превосходят остальных людей в том, что в минуту опасности они сохраняют полную ясность и твердость своих мыслей и следуют не таким общеизвестным утверждениям, как «лучшая доля в одном...» ¹⁰³ или «смерть — это конец для всех людей» ¹⁰⁴, ведь в минуту опасности обстоятельства сокрушают любые выводы, а впечатления от пережитого ужаса лишают суждения всякой ценности, ибо «страх отшибает» не только «память» ¹⁰⁵, как говорит Фукидид, но к тому же любые стремления, замыслы и желания, а поэтому философия окружила спасательными канатами... ¹⁰⁶

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ К ПРИЛОЖЕНИЮ

FHG — *Fragmenta Historicorum Graecorum*, ed. C. Müller, I—IV, P., 1848—1853.

SVF — *Stoicorum Veterum Fragmenta*, ed. H. F. Arnim, I—IV, Lipsiae, 1921—1924.

⁹⁹ Этот же анекдот повторяется Плутархом в биографии Александра (39) и в *Aprophethegma reg. et imp.* (Mor. 180 D).

¹⁰⁰ Ср. *Plut.*, Alex. 22.

¹⁰¹ См. прим. 81. Диоген Лаэртский (IV, 8) рассказывает об этом несколько иначе: из присланных ему денег Ксенократ отложил три тысячи аттических драхм, а остальное отослал назад, сказав, что царь нуждается в деньгах больше.

¹⁰² Начало предложения, представлявшее собой какую-то философскую сентенцию, не сохранилось.

¹⁰³ Первая половина стиха из «Илиады» (XII, 243): «Лучшая доля в одном — за отечество храбро сражаться».

¹⁰⁴ Точная цитата из «Речи о венке» Демосфена (XVIII, 97). У Плутарха встречается еще раз в трактате «О суеверии» (Mor. 166 F).

¹⁰⁵ Точная цитата из Фукидида (II, 87, 4), бывшая, вероятно, ходячим выражением. Как афоризм эту фразу в «Повести о Левкиппе и Клитопонте» цитирует Ахилл Татий (VII, 10, 4).

¹⁰⁶ Окончание первой части трактата не сохранилось.